

ДОН НИГРО

МОГИЛЬЩИК

Дон Нигро
Могильщик

«Автор»

Нигро Д.

Могильщик / Д. Нигро — «Автор»,

Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Пять актеров (3 женские и 2 мужские роли). Великая пьеса, великая роль для актера 55+. Трагическая история священника, который не смог устоять перед искушениями и сдержать свои страсти. Захватывает с самого начала и не отпускает до кровавой развязки.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Дон Нигро Могильщик

*«Город ночи, может, и смерти, но точно ночи».
Джеймс Томсон (1834-82) «Город жестокой ночи».*

*«Поэтому душа не может стремиться к единению с Богом, не
освободив себя от любви к сотворенным существам».
Сан Хуан де ла Крус*

Поздняя зима и ранняя весна:

это тюрьма
эти столы
и стулья мертвых
и вот твоя судьба:
жить как листья
которые бегут крабами
по мостовой
между белых домов
ибо я могильщик
и в ночной белизне
наблюдавший однажды
как девушка и я
говорили об
астрологии когда
снег сыпался вниз
цепляясь за темноту в
в молчаливом кричащем
белом перевернутом ужасе
падения в иссиня-черный
холодный смех
03.70¹

Действующие лица:

АННАБЕЛЛА ТОСКА
ЛИЛИЯ ВАЛИСЯК
СЕЙДИ ПРИКОСОВИЧ
ОТЕЦ ЛЕО УИГГЛИ
ФРЭНК РУЗВЕЛЬТ

Декорация:

Армитейдж, маленький город в холмистой части восточного Огайо, 1954-67 гг. Простая декорация представляет собой все места действия: справа от центра в глубине сцены – кухня дома священника, со столом и несколькими стульями; по центру в глубине сцены спальня с кро-

¹ Дата написания стихотворения Доном Нигро. Ниже – само стихотворение: LATE WINTER AND EARLY SPRING this is the prison these are the tables and chairs of the dead and here is your cup: live like the leaves that scuttle like crabs on the pavement between the white houses for I am the sexton and in the night's white watching on the girl and I were speaking of astrology when snow crept uneven down clawing the dark in a silently screaming white upside down terror of falling in blue black cold laughter.

ватью; слева от центра в глубине сцены кабинет ОТЦА УИГГЛИ, с книжными полками, письменным столом и стулом, и еще маленьким столом с шахматной доской и расставленными на ней фигурами, у столика два стула друг напротив друга; у сцены справа дверь в сарай могильщика, он же кладбищенский сторож, расположенным у церковного кладбища, рядом с дверью деревянная скамья. По центру у сцены – церковное кладбище с надгробьями и каменной скамьей. У сцены слева – крыльцо дома Прикосович, и диваном-качелями. Сарай и кладбище на уровне сцены, крыльцо, кухня и кабинет подняты на ступень-другую, спальня в глубине сцены по центру поднята еще на ступеньку. Стен нет, все места действия соединены друг с дружкой, чтобы актеры легко могли перемежать из одного места и времени в другое, не выходя из роли и не покидая сцену. Время и пространства плавно-подвижны. Нет разрывов между сценами и смены декораций.

(Уханье сов. Ночь. Тусклый лунный свет падает на АННАБЕЛЛУ, молодую девушку, сидящую на кровати, ЛИЛИЮ, женщину постарше, она на скамье у сарая, СЕЙДИ, ее сестру, она на диване-качелях на крыльце, и ФРЭНКА – он на скамье у кладбища. ОТЕЦ УИГГЛИ стоит у письменного стола в своем кабинете, в этот момент в тени).

ЛИЛИЯ. Я увидела, как свет зажегся в его кабинете.

(ОТЕЦ УИГГЛИ зажигает лампу на столе).

СЕЙДИ. Прибитый к двери сарая, головой вниз, так Зеб Рикеттс сказал Элмо.

ЛИЛИЯ. Ходят слухи о призраке старухи, которая появлялся на кладбище по ночам.

(ОТЕЦ УИГГЛИ садится за письменный стол, выдвигает нижний ящик).

АННАБЕЛЛА. Благословенна Ты между женами.

СЕЙДИ. Ее звали Аннабелла Тоска.

(Отец Уиггли достает из нижнего ящика бутылку виски и стакан).

ЛИЛИЯ. За красоту лилий.

(ОТЕЦ УИГГЛИ наливает себе виски).

СЕЙДИ. Доктор Вольф сказал, что ладони были пробиты гвоздями.

АННАБЕЛЛА. И Благословен плод чрева Твоего, Иисус.

(ОТЕЦ УИГГЛИ пьет).

ЛИЛИЯ. Обиталище сов.

СЕЙДИ. Она была милой девушкой.

АННАБЕЛЛА. Святая Мария, Матерь Божья, молись за нас, грешных, ныне и в час нашей смерти.

(ОТЕЦ УИГГЛИ ставит стакан и смотрит на фотографию, которая стоит на письменном столе).

СЕЙДИ. Поздняя зима и ранняя весна.

ЛИЛИЯ. Он спустился в ад.

(Уханье сов).

СЕЙДИ *(ФРЭНК начинает вырывать сорняки у надгробия)*. Не знаю, когда появился этот парень. В пятьдесят третьем? Пятьдесят четвертом? В тот год док Вольф вскрыл нарыв на задку Элмо. Отвратительный нарыв. Не знаю, что это было. От дока несло спиртным за милю. Он играл в шахматы с отцом Уиггли. Это я про дока. Элмо слишком туп, чтобы сыграть даже в «дурака». Пришел сюда, постучался в дверь. Я отправила его куда подальше... Знала, что от него одни неприятности... Он и пошел... По железнодорожным путям, мимо кирпичного завода, к католической церкви, сел там среди могил, принялся ухаживать за надгробиями. Так говорила миссис Потдорф. Юноша, похоже, был недоумком. Отец Уиггли увидел его из окна.

(ОТЕЦ УИГГЛИ идет к кладбищу, останавливается, смотрит на ФРЭНКА, работающего среди надгробий).

ОТЕЦ УИГГЛИ. Прошу извинить.

ФРЭНК. Все хорошо.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Могу я тебе чем-нибудь помочь?

ФРЭНК. Не знаю.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты не местный.

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Здесь я знаю всех.

ФРЭНК. Понятно.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Это твоя семья?

ФРЭНК. Где?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Надгробие, вокруг которого ты пропалываешь сорняки. Это твои родственники?

ФРЭНК. Не знаю.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Не твои родственники?

ФРЭНК. Нет.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты просто проходил мимо?

ФРЭНК. Не знаю.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Откуда ты приехал?

ФРЭНК. Из Польши.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты родился в Польше?

ФРЭНК. Оттуда я приехал.

ОТЕЦ УИГГЛИ. У тебя нет акцента.

ФРЭНК. У меня нет?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Как тебя зовут?

ФРЭНК. Фрэнк.

ОТЕЦ УИГГЛИ. А дальше.

ФРЭНК. Дальше?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Какая у тебя фамилия?

ФРЭНК. Рузвельт.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты – Фрэнк Рузвельт?

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Тебя зовут Фрэнк Рузвельт?

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. И ты из Польши?

ФРЭНК. Точно.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Не думаю я, что Рузвельт – польская фамилия.

ФРЭНК. Не польская.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Тогда как тебя все-таки зовут?

ФРЭНК. Фрэнк.

(Пауза. Поют птицы).

ОТЕЦ УИГГЛИ. Почему ты здесь, Фрэнк?

ФРЭНК. Почему я здесь?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Почему ты пришел сюда, на кладбище? Твоих людей здесь нет?

ФРЭНК. Моих людей?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Если здесь не похоронены твои родственники, почему ты пришел сюда?

ФРЭНК. Ради компании.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Какой компании?

ФРЭНК. Мне тут нравится. Так спокойно.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Это да.

ФРЭНК. Птицы. Я люблю птиц.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Да. Я тоже.

ФРЭНК. Тебе не так одиноко там, где из людей только мертвые.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Что?

ФРЭНК. Другие люди углубляют твоё одиночество.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Это правда. Ты все так тонко чувствуешь, Фрэнк.

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Твое лицо мне знакомо, Фрэнк.

ФРЭНК. Да?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Я тебя знаю?

ФРЭНК. Не знаю.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты здесь бывал?

ФРЭНК. Возможно.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Странное дело. Кого-то ты мне напоминаешь. Но не могу вспомнить, кого именно.

ФРЭНК. Лилии.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Что?

ФРЭНК (*указывает на цветы, но в направлении ЛИЛИИ, наблюдающей за ними из другого времени*). Лилии. Там. Они мне нравятся.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Так ты разбираешься в цветах?

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Раньше ухаживал за цветами?

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. И где ты ухаживал за цветами?

ФРЭНК. На земле.

(Пауза).

ОТЕЦ УИГГЛИ. Что ж, там за ними и ухаживают.

ФРЭНК. Да.

(Пауза).

ОТЕЦ УИГГЛИ. Я вот подумал...

ФРЭНК. Хорошо.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Что?

ФРЭНК. Думать – хорошо.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Это точно.

ФРЭНК. Но не очень много.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Что ж, возможно. Я подумал, что сейчас нам крайне необходим кладбищенский сторож.

ФРЭНК. Да?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты знаешь, что делает кладбищенский сторож?

ФРЭНК. Нет.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Следит за кладбищем. Косит траву, поливает цветы, роет могилы. Если ты ищешь работу... Ты ищешь работу?

ФРЭНК. Ищу.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Думаешь, такая работа тебе подойдет? Кладбищенского сторожа.

ФРЭНК. Рыть могилы?

ОТЕЦ УИГГЛИ. По большей части косить траву, поливать цветы, все такое.

ФРЭНК. Я смогу это делать.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Что ж, а давай попробуем. Прежний сторож сошел с ума. Его увезли в прошлое полнолуние. Звучит, как готическая история, правда? Ему что-то чудилось по ночам. Он говорил сам с собой. Пил. Ты пьешь, Фрэнк?

ФРЭНК. Воду.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Я про алкогольные напитки.

ФРЭНК. Рутбир.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Думаю, рутбир – это нормально. Ты ничего не видишь, так, Фрэнк?

ФРЭНК. Я все время что-то вижу.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Я про то, чего нет.

ФРЭНК. Как можно видеть то, чего нет?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Очень интересный философский вопрос. Фрэнк, я думаю, все у тебя получится. Прежний сторож жил в том сарае. Ты можешь остаться там, если хочешь. Кровать есть. Угольная плита. Не роскошь, но какой-никакой дом.

ФРЭНК. Дом – это хорошо.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Да. Платить много у нас не получится, но, если захочешь, ты сможешь питаться у меня. Ты голоден, Фрэнк?

ФРЭНК. Всегда.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Что ж, тогда пойдем на кухню, и миссис Зигель приготовит тебе что-нибудь ужасное.

АННАБЕЛЛА (*сидит на кровати, когда ФРЭНК уходит с ОТЦОМ УИГГЛИ в дом приходского священника*). Приимите, ядите: сие есть Тело Мое.

СЕЙДИ (*все еще наблюдает со своего крыльца*). Я видела, как Элмо поглядывал на нее, и сказала себе: «Сейди, ситуация не из лучших». Эта девушка слишком красива. А красивая девушка – игрушка дьявола. Это почти так же опасно, как быть умной.

ЛИЛИЯ (*все также сидит на скамье у сарая, наблюдает*). Вечерами он приглашает могильщика в свой кабинет, и они сидят перед камином, пью горячий шоколад, приготовленный старухой, едят зачерствевшие булочки с орехами и разговаривают. Я видела их через окно.

(*ОТЕЦ УИГГЛИ и ФРЭНК сидят перед камином в кабинете*).

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты католик, Фрэнк?

ФРЭНК. Я не знаю, кто я.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Я заметил, что ты не ходишь к мессе, но ты – поляк. Большинство поляков – католики. Тебя воспитывали католиком?

ФРЭНК. Меня не воспитывали.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Знаешь, как-то, но воспитывали. Я хочу сказать, ты же вырос и оказался здесь, так?

ФРЭНК. Вроде бы да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Твои родители живы?

ФРЭНК. Я не знаю.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Как давно ты их не видел?

ФРЭНК. Я не знаю.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Так ты – сирота?

ФРЭНК. Пусть будет так.

ЛИЛИЯ. В этом месте слишком много сов.

(*Смотрит на ФРЭНКА и уходит в правую кулису*).

ОТЕЦ УИГГЛИ. Вчера я говорил с доктором Вольфом. Иногда он приходит сюда по вечерам сыграть в шахматы. Он жуткий безбожник и пьет так, будто завтра не наступит, и для него, возможно, не наступит, но человек он умный, пусть и с извращенным чувством юмора и ненасытной страстью к сплетням, и, с сожалением должен признать, что этот грех свойственен и мне. Делим мы с доком и греховную страсть к шахматам, поэтому играем и перекидываемся

оскорблениями. Он нападает на мою религию, я – на его, имя которой цинизм, но в принципе мы с ним ладим. На пару, сказал я доку, мы держим их всех в узде. С твоей помощью они появляются в этом мире. Я блюду их душевное благополучие, пока ты приглядываешь за их телесным здоровьем. Ты провожаешь из этого мира их плоть, я отправляю душу в последующий мир. Так что они наши от начала и до конца. Бедные невинные существа. Раз речь зашла о невинных существах, сказал мне док, я вижу, что у тебя новый кладбищенский сторож. Да, говорю я. Его зовут Фрэнк, и он очень трудолюбивый. Прекрасно косит траву, ухаживает за могилами и у него зеленая рука. Все, к чему он прикасается, расцветает. И знаешь, что сказал мне док Вольф? Он сказал, что ты разыскивал Валисяков. Валисяков, переспросил я. Он разыскивал Валисяков? И док объяснил, что впервые увидел тебя, когда ты вошел в таверну «Красная роза»... Док проводит там так много времени, что они назвали один из стульев в честь его ягодиц... И ты спрашивал о Валисяках. Это правда, Фрэнк? Ты пришел в город в поисках Валисяков?

ФРЭНК. Да. Это я.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Почему ты разыскивал Валисяков?

ФРЭНК. Просто разыскивал.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Валисяков.

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Но почему Валисяки? Почему ты разыскивал Валисяков?

ФРЭНК. Я разыскивал кого-то с фамилией Валисяк.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Кого угодно с фамилией Валисяк или конкретного человека с такой фамилией?

ФРЭНК. Да, конкретного.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Потому что в одно время в нашем городе жили Валисяки. Но несколькими годами раньше. Я не уверен, остались ли у нас Валисяки, за исключением миссис Прикосович. Я знаю, что Сейди Прикосович в девичестве была Валисяк. Это тебе сказал док, так?

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. И ты пошел к миссис Прикосович?

ФРЭНК. Да.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Что она тебе сказала?

ФРЭНК. Она сказала, что нет у них никаких Валисяков.

ОТЕЦ УИГГЛИ. После этого ты пошел сюда?

ФРЭНК *(встает, вопросы его немного разволновали)*. Я шел вдоль железнодорожных путей, между мельницей и кирпичным заводом, и увидел шпиль.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Тебя потянуло к церкви.

ФРЭНК. Я подумал, где шпиль, так и церковь, а где церковь, там и кладбище.

ОТЕЦ УИГГЛИ. То есть ты искал кладбище?

ФРЭНК. Валисяков.

(ФРЭНК идет к крыльцу дома ПРИКОСОВИЧ. СЕЙДИ сидит на диване-качелях. Мы видим то, что происходило в первый день ФРЭНКА в городе).

СЕЙДИ. Что бы ты ни продавал, нам это не нужно.

ФРЭНК. Валисяк?

СЕЙДИ. Что?

ФРЭНК. Валисяк?

СЕЙДИ. И что?

ФРЭНК. Лилия?

СЕЙДИ. Нет. Я – Сейди.

ФРЭНК. Валисяк?

СЕЙДИ. Прикосович.

ФРЭНК. Не Валисяк?
СЕЙДИ. Нет.
ФРЭНК. Мне нужна Лилия. Валисяк.
СЕЙДИ. Ее здесь нет.
ФРЭНК. Где она?
СЕЙДИ. И кто хочет знать?
ФРЭНК. Фрэнк.
СЕЙДИ. Какой Фрэнк?
ФРЭНК. Рузвельт.
СЕЙДИ. Фрэнк Рузвельт?
ФРЭНК. Да.
СЕЙДИ. Я что, должна смеяться?
ФРЭНК. Не знаю.
СЕЙДИ. Чего ты хочешь? Ты чего-то хочешь?
ФРЭНК. Лилию Валисяк.
СЕЙДИ. Ты кто?
ФРЭНК. Фрэнк Рузвельт.
СЕЙДИ. Ты не из полиции?
ФРЭНК. Нет.
СЕЙДИ. Не от правительства?
ФРЭНК. Нет.
СЕЙДИ. У тебя нет ордера на обыск?
ФРЭНК. Нет.
СЕЙДИ. Тогда проваливай с моего крыльца.
ФРЭНК. Извините.
СЕЙДИ. И я не думаю, что тебя зовут Фрэнк Рузвельт.
ФРЭНК. Тогда как меня зовут?
СЕЙДИ. Да откуда я знаю, как тебя зовут? Проваливай, а не то я вызову полицию.
ФРЭНК. Не нужна мне полиция. Мне нужна только Лилия Валисяк.
СЕЙДИ. Зачем она тебе?
ФРЭНК. Хочу ее увидеть.
СЕЙДИ. Почему?
ФРЭНК. Не знаю.
СЕЙДИ. Что ж, не увидишь, потому что ее здесь нет. И она безумна.
ФРЭНК. Она безумная?
СЕЙДИ. И мертвая.
ФРЭНК. Она мертвая?
СЕЙДИ. Да. Она умерла.
ФРЭНК. Ее здесь нет, она безумная и она умерла?
СЕЙДИ. Ее здесь нет, она безумная и она умерла. А теперь проваливай, пока я не разбудила Элмо. Он выскочит с дробовиком.
ФРЭНК. Она безумная и умерла?
СЕЙДИ. Слушай, не заставляй меня будить Элмо. Он звереет, если его будят днем. Всадит тебе в зад заряд дроби.
ФРЭНК. Лилия умерла.
СЕЙДИ. Я серьезно. Проваливай с моего крыльца. Или я прямо сейчас зову Элмо. Элмо?
ФРЭНК. Хорошо. Извините.
(Уходит, садится на кладбище, в глубоком раздумье. Из дома появляется ЛИЛИЯ).
ЛИЛИЯ. Кто это приходил, Сейди?

СЕЙДИ. Никто.

ЛИЛИЯ. Кто-то приходил. Я учуяла голоса.

СЕЙДИ. Никто не приходил. Иди в дом.

ЛИЛИЯ. Они продают пончики? Я бы съела пару пончиков.

СЕЙДИ. Никто не продает пончики.

ЛИЛИЯ. Я люблю пончики с кремом.

СЕЙДИ. Возвращайся на чердак.

ЛИЛИЯ. Мне снились крокодилы.

СЕЙДИ. Делов-то.

ЛИЛИЯ. На меня навалилось что-то тяжелое.

СЕЙДИ. Всем до лампочки.

ЛИЛИЯ. Это был крокодил.

СЕЙДИ. Плевать всем на крокодилов.

ЛИЛИЯ. Только не крокодилам.

СЕЙДИ. Это был сон.

ЛИЛИЯ. И потом мне показалось, что я услышала свое имя.

СЕЙДИ. Ты не могла услышать своего имени. Тебе снились крокодилы. А теперь иди наверх.

ЛИЛИЯ. Я слышала, как кто-то произнес мое имя. И подумала, что это продавец пончиков.

СЕЙДИ. Никаких пончиков он не продавал.

ЛИЛИЯ. Тогда кто-то это был?

СЕЙДИ. Какой-то парень, который хотел тебя увидеть.

ЛИЛИЯ. Всем без разницы, видят они меня или нет. Кто сюда приходил, Сейди? Кто произнес мое имя? Сейди? Сейди? Сейди? Сейди?

СЕЙДИ. Ладно. Какой-то человек тебя искал.

ЛИЛИЯ. Меня?

СЕЙДИ. Да.

ЛИЛИЯ. Кто-то меня искал?

СЕЙДИ. Так он сказал.

ЛИЛИЯ. Я так не думаю. Никто меня не ищет. Я невидимая.

СЕЙДИ. Значит, не такая невидимая. Лучше иди в дом, пока не разбудила Элмо.

ЛИЛИЯ. Это был дьявол?

СЕЙДИ. Нет, это был не дьявол.

ЛИЛИЯ. Дьявол ищет меня. Хочет утащить в ад. Или в Польшу. Дьявол хочет утащить меня в Польшу, чтобы разбирать часы с кукушкой.

СЕЙДИ. Дьявол не хочет утаскивать тебя в Польшу. Но тебе лучше подняться на чердак, пока не проснулся Элмо. Если Элмо узнает, что кто-то приходил сюда и спрашивал о тебе, он скормит тебя собаке, сладенькая.

ЛИЛИЯ. Мне собака нравится.

СЕЙДИ. Я серьезно. Элмо злится из-за того, что на чердаке постоянно кто-то ходит. Он бы давно выбросил тебя, если бы по воскресеньям я не позволяла ему дополнительных вольностей, после Эда Салливана.

ЛИЛИЯ. Ты позволяешь вольности Эду Салливану?

СЕЙДИ. Нет. Элмо.

ЛИЛИЯ. Элмо позволяет вольности Эду Салливану?

СЕЙДИ. После того, как мы посмотрим программу Эда Салливана, я позволяю Элмо вольности.

ЛИЛИЯ. Я никому никаких вольностей не позволяю.

СЕЙДИ. Но один раз позволила, так?
(Пауза).

ЛИЛИЯ. Я люблю пончики. Посередине у них дырка. У некоторых, по крайней мере.

СЕЙДИ. Много у чего есть дырки.

ЛИЛИЯ. Это да.

СЕЙДИ. У тебя вся голова в дырках.

ЛИЛИЯ. В моей голове много пустых мест.

СЕЙДИ. Это и есть дырки. Дырki – это пустые места.

ЛИЛИЯ. Дырki – пустые места. Но пустые места – не обязательно дырки.

СЕЙДИ. И как это понимать?

ЛИЛИЯ. Не знаю. В это прелесть правды. Никто не знает, что она означает.

СЕЙДИ. Ты чокнутая. Ты это знаешь?

ЛИЛИЯ. Да.

СЕЙДИ. А теперь возвращайся на чердак. Я серьезно.

ЛИЛИЯ. Сейди?

СЕЙДИ. Что?

ЛИЛИЯ. Тебе когда-нибудь хочется оказаться в Польше?

СЕЙДИ. Нет.

ЛИЛИЯ. Мне хочется.

СЕЙДИ. Тебе хочется оказаться в Польше?

ЛИЛИЯ. Нет.

(Поворачивается и уходит в дом).

ОТЕЦ УИГГЛИ (*когда АННАБЕЛЛА берет корзину выстиранного белья и несет к бельевой веревке, натянутой у сарая*). Есть опера, название которой совпадает с твоей фамилией, знаешь ли. У меня есть запись. Могу дать тебе прослушать, если хочешь. У героини твоя фамилия. В конце она умирает.

(*Завывания ветра в весенний день. АННАБЕЛЛА развешивает простыни. ФРЭНК наблюдает с кладбища*).

ФРЭНК. Тебе помочь?

АННАБЕЛЛА. Нет, благодарю. Справлюсь.

ФРЭНК. Сегодня дует ветер. Ветренный день.

АННАБЕЛЛА. Это да.

ФРЭНК. Паруса.

АННАБЕЛЛА. Что?

ФРЭНК. Простыни, как паруса. Как на парусниках.

АННАБЕЛЛА. Ах, паруса. Да. Точно. (*ФРЭНК пристально на нее смотрит. От его взгляда ей как-то не по себе*). Чего вы так смотрите?

ФРЭНК. Я тебя видел.

АННАБЕЛЛА. Видели?

ФРЭНК. Ты была маленькой девочкой.

АННАБЕЛЛА. Конечно, была. Как и все.

ФРЭНК. Я не был.

АННАБЕЛЛА. Да, вы не были.

ФРЭНК. Я тебя видел. С другими маленькими девочками. В церкви. Когда впервые пришел сюда. Ты была маленькой девочкой.

АННАБЕЛЛА. Да.

ФРЭНК. У тебя были темные глаза и серьезное выражение лица. Но иногда ты смеялась. Я тебя помню.

АННАБЕЛЛА. Я была такой же, как все.

ФРЭНК. Нет. Ты была другой.

АННАБЕЛЛА. Конечно, нет.

ФРЭНК. Да, была. Я это сразу понял.

АННАБЕЛЛА. И в чем я была другой?

ФРЭНК. Что-то в твоих глазах. Я это видел.

АННАБЕЛЛА. Вы видели что?

ФРЭНК. Кто-то ударил по мячу. Уже начало темнеть. Мяч закатился между надгробий. Другие девочки боялись пойти за ним. А ты не побоялась. Пошла на кладбище и взяла мяч. Потом огляделась. Пристально посмотрела на ангела из темного камня. И убежала к другим девочкам.

АННАБЕЛЛА. Я это помню.

ФРЭНК. Я тоже.

АННАБЕЛЛА. Теперь я буду здесь экономкой.

ФРЭНК. Да.

АННАБЕЛЛА. Я знаю, вам очень недостает миссис Зигель.

ФРЭНК. Да. *(Пауза)*. Только не ее готовки.

АННАБЕЛЛА. Она была очень милой женщиной.

ФРЭНК. Готовила ужасно.

АННАБЕЛЛА. Я знаю, что она старалась, как могла.

ФРЭНК. Да. *(Пауза)*. Она умерла в ванне.

АННАБЕЛЛА. Я знаю.

(Пауза).

ФРЭНК. В другой раз ты плакала.

АННАБЕЛЛА. Я не плакала.

ФРЭНК. Ты плакала на кладбище. Осенью. Сидела здесь и плакала. Я тебя видел.

АННАБЕЛЛА. Когда это было?

ФРЭНК. Не так и давно.

АННАБЕЛЛА. И вы смотрели на меня.

ФРЭНК. Я хотел тебя утешить. Но не стал. Чувствовал, что лучше к тебе не подходить.

АННАБЕЛЛА. И правильно. Девушки иногда плачут. Бывает, это ничего не значит.

ФРЭНК. Я опасался, что напугаю тебя.

АННАБЕЛЛА. Я вас не боялась.

ФРЭНК. Некоторые девушки боялись.

АННАБЕЛЛА. Я – нет. *(Пауза)*. Мне надо идти. Я пеку хлеб.

ФРЭНК. Да. Хорошо пахнет.

(АННАБЕЛЛА уходит на кухню. ФРЭНК смотрит ей вслед. Ветер надувает простыни).

СЕЙДИ. Эта девушка, Аннабелла Тоска, стала экономкой у отца Уиггли после того, как миссис Зигель умерла в ванне. Такая красotka. Ее мать думала, что у нее не все в порядке с головой, говорил мне Спайдер Крэбтри. Не слабоумная, как могильщик, но странная. Читала поэзию. И все такое. Сами понимаете, этим людям доверять нельзя.

(АННАБЕЛЛА возится на кухне. ОТЕЦ УИГГЛИ заканчивает обед).

ОТЕЦ УИГГЛИ. Еще раз хочу сказать тебе, Аннабелла, как это приятно, что ты теперь работаешь у меня.

АННАБЕЛЛА. Мне здесь нравится, святой отец.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты такая милая девушка. Аккуратная, добрая католичка и готовишь потрясающе.

АННАБЕЛЛА. Благодарю, святой отец.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Пойми меня правильно. Миссис Зигель была хорошей женщиной, но, упокой Господь ее душу, от ее готовки и святой мог запроситься в ад. Столько лет шамкаю-

щая старуха шаркала ногами по дому, и появление молодой девушки – просто глоток свежего воздуха.

АННАБЕЛЛА. Миссис Зигель всегда была очень добра ко мне.

ОТЕЦ УИГГЛИ. В жизни ей пришлось многое пережить. Она пришла сюда вдовой, после ухода моей первой экономки, давным-давно. Голову бедного мистера Зигеля расплющило прессом. Превратило в желе. Некоторые, и док Вольф среди них, говорили, что бедолага сознательно сунул голову под пресс, чтобы избавиться от готовки его жены. Это было ужасно. Я про несчастный случай. От меня как раз ушла экономка, и я думал, это будет временная замена. *(ЛИЛИЯ появляется из правой кулисы, садится на скамью у сарая)*. Я и представить себе не мог, что эта женщина проживет здесь так долго. Полагаю, готовка миссис Зигель – это наказание за мои грехи. Но теперь она в лучшем месте, а я хочу, чтобы ты знала, что с тобой я на седьмом небе.

АННАБЕЛЛА. Ваши слова так много для меня значат, святой отец.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Сердце мужчины поет, даже сердце старого священника, когда у него на кухне верховодит красивая девушка. Я полагаю, у тебя есть молодой человек.

АННАБЕЛЛА. Нет, святой отец.

ОТЕЦ УИГГЛИ. У такой красавицы, как ты? Мне крайне трудно в это поверить.

АННАБЕЛЛА. Мужчины хотят от девушки только одного.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Если бы не хотели, никого из нас здесь бы не было. Но насчет недоверчивости к намерениям мужчин ты права. А ты никогда не задумывалась над тем, чтобы стать невестой Христа?

АННАБЕЛЛА. Задумывалась, но я боюсь брачной ночи.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Не понимаю, что это значит.

АННАБЕЛЛА. Нас таких двое.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Я вижу, ты еще и умная.

АННАБЕЛЛА. Иногда. А бывает – я очень глупая. Никогда не знаю, какая я, когда просыпаюсь утром. Могу быть какой угодно.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Это обычное дело со всеми. Если на то пошло, мы – незнакомцы для себя самих. Мы верим, что знаем, какие мы, а потом что-то выскакивает изо рта, и мы думаем, а кто это сказал? Мы что-то делаем, и какая-то наша часть наблюдает в великом изумлении, может и в ужасе, а потом мы думаем: «Почему я это сделал? Что на меня нашло?»

АННАБЕЛЛА. И вы тоже незнакомец для себя?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Я такой же человек, как и любой другой. Нет, разумеется, нет. Потому что священник – он другой. И однако, случается, причем не раз и не два, когда я смотрю в зеркало и не знаю, кто передо мной.

АННАБЕЛЛА. Значит, в этом доме мы все незнакомцы?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Незнакомцы в чужой стране. *(Пауза)*. Я видел, ты на днях говорила с Фрэнком.

АННАБЕЛЛА. С Фрэнком?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты развешивала простыни на бельевой веревке у сарая.

АННАБЕЛЛА. А-а-а. С могильщиком. Да. Это к разговору о незнакомцах. Вот уж кто незнакомец на все сто процентов.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Ты не должна его бояться. Он совершенно безвредный.

АННАБЕЛЛА. Таких нет. Вред может причинить любой. Младенец может повернуться и раздавить мотылька.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Поначалу Фрэнк может показаться странным, но, поверь мне, к нему привыкаешь.

АННАБЕЛЛА. Вы привыкли?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Более чем. И он умнее, чем можно подумать.

АННАБЕЛЛА. Это как раз не удивительно.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Время от времени он обыгрывает меня в шахматы.

АННАБЕЛЛА. Вы играете в шахматы с могильщиком?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Он играет очень хорошо.

АННАБЕЛЛА. Вы, наверное, позволяете ему выигрывать.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Нет, я никому не позволяю выигрывать. Фрэнк действительно очень интересный молодой человек. И, думаю, кроме меня, друзей у него в этом мире нет.

АННАБЕЛЛА. Тогда ему очень одиноко.

ОТЕЦ УИГГЛИ. Думаю, да. Он очень одинок. Я буду тебе признателен, если ты постараешься относиться к нему по-доброму.

АННАБЕЛЛА. А Фрэнк это оценит?

ОТЕЦ УИГГЛИ. Разумеется. Почему нет?

АННАБЕЛЛА. Если я вижу, что люди стараются относиться ко мне по-доброму, меня это оскорбляет. Или тревожит. А вдруг они собираются ночью прокрасться в мою комнату и задушить телефонным шнуром? Если люди действительно относятся к тебе по-доброму, зачем им стараться это показывать? А если нет, какая тебе польза от того, что они тебя обманывают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.